

Елена Минкина-Тайчер

Эффект Ребиндера

Серия «Самое время»

Этот роман — «собрание пестрых глав», где каждая глава названа строкой из Пушкина и являет собой самостоятельный рассказ об одном из героев. А героев в романе немало — одаренный музыкант послевоенного времени, «милый бабник», и невзрачная примерная школьница середины 50-х, в душе которой горят невидимые миру страсти — зависть, ревность, запретная любовь; детдомовский парень, физик-атомщик, сын репрессированного комиссара и деревенская «погорелица», свидетельница ГУЛАГа, и многие, многие другие. Частные истории разрастаются в картину российской истории XX века, но роман не историческое полотно, а скорее многоплановая семейная сага, и чем дальше развивается повествование, тем более сплетаются судьбы героев вокруг загадочной семьи Катениных, потомков «того самого Катенина», друга Пушкина. Роман полон загадок и тайн, страстей и обид, любви и горьких потерь. И все чаще возникает аналогия с узко научным понятием «эффект Ребиндера» — как капля олова ломает гибкую стальную пластинку, так незначительное, на первый взгляд, событие полностью меняет и ломает конкретную человеческую жизнь.

Рибиндера эффект — многократное падение прочности твёрдого тела, облегчение деформации и разрушения вследствие обратимого воздействия среды. Существенную роль играет реальная структура тела...

Большая советская
энциклопедия

*Низкий поклон поэту, публицисту, математику,
профессору Питтсбургского университета
Борису Кушнеру за предоставленные стихи.*

Автор

Буря мглою небо кроет...

Нет, слова пришли позже. Сначала только это безумное волшебное сочетание света и звука — звон бегущих клавиш, горячие полосы солнца на подоконнике, россыпь цветов в большой стеклянной банке, бокастая огромная клубника в разводах тающего сахара.

Бабушка играла стремительно и шумно, и маленькому Леве страстно хотелось размахивать руками, кружиться и лететь вслед за убегающим ритмом, но отвлекали сладкие, текущие соком ягоды. Целая гора ягод в огромной расписной тарелке! Можно было брать сколько угодно, запихивать в рот целиком, шумно глотать, захлебываться, облизывать пальцы — увлеченная бабушка не замечала никаких безобразий.

Стояла чудесная пьянящая жара, огромные стрекозы трещали в кружевных складках занавески, соседская девочка прибежала с кувшином молока, да так и застыла в дверях, заслушавшись непривычной музыкой. Ах, что за прелесть эти блестящие лукавые глаза, спутанные белые кудри, руки с тонкими пальчиками, маленькие босые ступни на плетеном коврике. И звенящая трель в верхних октавах, невозможная бесконечная трель, одни шестнадцатые и тридцать вторые, шестнадцатые и тридцать вторые...

— Бабушка, как я тебя люблю!

— Левушка, ты мое солнышко!

Мягкие руки обнимают и кружат, пушистые седые волосы, большие горячие груди, душный, сладкий и манящий запах увядающих цветов...

— Бабушка, я тебе скажу по секрету, только очень тихо, вот сюда, в ухо. Бабушка, я прямо сейчас хочу жениться!

Лето всегда было чудесной порой. Прерывалась, пусть и временно, другая жизнь, привычная скучная жизнь в замкнутых пространствах — комнате, заставленной скрипучими душными вещами, огромной коммунальной квартире, тоже душной, полной чужих запахов и звуков, каких-то других домах и комнатах, куда они с бабушкой ходили в гости. Даже катание на велосипеде разрешалось только в квартире, в длинном коридоре, который тянулся и изгибался от огромной кухни до жуткого, тяжело пахнущего и вечно занятого туалета. Туалет был отдельным страданием, потому что в тот год мама категорически выбросила горшок. Конечно, такому большому мальчику не пристало ходить на

горшок, но мрачный вонючий туалет с голым нечистым унитазом и тоже нечистой облезлой ручкой на длинном шнуре нагоняли непреходящий ужас, и Лева, мучаясь и дрожа от стыда, приспособился писать в ванной комнате, в раковину.

В то лето они с бабушкой, как и прежде, уехали к ее подруге Любочке в теплый молдавский городок, где в стародавние времена, немыслимые древние времена, еще до революции и Гражданской войны, бабушка, которую тогда звали Шулой, вместе со своей Любочкой и еще одной подружкой по имени Нюля ходили в гимназию. Фотография трех сказочных девочек в строгих платьях, передниках и шляпках висела над кроватью, и невозможно было не узнать бабушку из-за их семейного, крупного с горбинкой носа.

Маленький Лева тихо смеялся над нелепыми детскими именами — Нюля, Шула. Еще забавнее казались цветочки и ленты в дряхлом коричневом альбоме, где седая толстая Любочка хранила фотографии. Лева часто вручали этот альбом — «посмотреть картинки», что подразумевало не прыгать и не мешать их бесконечной женской болтовне. С тяжелых негнущихся страниц дружно глядели бородатые старики, дамы в шляпках, бесконечные толстые младенцы, мальчишки в одинаковых костюмах с матросскими воротниками. И опять те же три девочки — сначала совсем маленькие девчонки сидят в ряд на фоне нарисованного пейзажа с облаками, потом на том же фоне, но уже стоят и одинаково улыбаются высокие старшеклассницы с косами и, наконец, три чудесные девушки в длинных платьях смеются, держась за руки.

На самом деле (Лева тысячу раз слышал эту историю!) и бабушку, и ее сестру называли прекрасными библейскими именами — Шуламит и Лия, как и положено внукам ребе. Не сомневайтесь, повторяла бабушка, в доме чтили и соблюдали религиозные традиции, но все-таки папа, между прочим, родной брат известного просветителя и общественного деятеля, решил дать дочерям светское образование.

Да, да, серьезное светское образование, представьте себе! Сразу по окончании гимназии девушки были отправлены за границу, а именно — в Женевскую консерваторию, для углубленного изучения музыки. Об этом особенно мечтала старшая бабушкина сестра Лия, прекрасная пианистка, страстная поклонница Листа и Шопена. Но в первый же год обучения у знаменитого маэстро случилось ужасное

несчастье — Лия переиграла руки и по требованию доктора была вынуждена прекратить занятия на неопределенное время. В отчаянии она принялась целыми днями бродить по морозному городу, подхватила жестокую инфлюэнцу и в три дня скончалась от жара.

Именно так рассказывала бабушка, и Левушке все виделась несчастная Лия, темные горящие глаза, тонкие руки на кружевном покрывале, и хотелось плакать от красивых незнакомых слов — маэстро, инфлюэнца.

В том же несчастном году бабушкин папа, напуганный и убитый горем, настоял, чтобы Шула прекратила профессиональное музыкальное образование и перевелась в Сорбонну на естественный факультет. Помнится, Лева долго не мог понять название факультета, что там могло быть естественного или неестественного, но оказалось, что так называют медицину, биологию и прочие скучные и неприятные науки. После недолгих колебаний бабушка выбрала фармакологию.

— Трудолюбивый и ответственный человек может и должен преуспеть в любой области! — повторяла она в назидание маме и Леве.

— Но разве не жаль души, планов, потраченного времени? — восклицала мама. — Столько лет учиться музыке и все бросить из-за страхов и капризов родителей!

— У родителей не может быть капризов! Умные дети это прекрасно понимают и слушаются старших. А музицировать в домашнем кругу не менее важно, именно так формируется разносторонняя личность и любовь к прекрасному!

Бабушка действительно часто и с упоением играла на их стареньком звучном пианино, у нее была блестящая техника и очень точный звук. А утром, закрутив волосы, она отправлялась в аптеку, где царил идеальный порядок, и сотрудники замирали при одном ее появлении, как солдаты в строю. Так и получилось, что в памяти Левы навсегда остались как бы две разные бабушки — виртуозная пианистка с разметающимися кудрями и страстным просветленным лицом и строгая заведующая аптекой в белой накрахмаленной шапочке.

С самого Левиного рождения они жили втроем в большой, разгороженной ширмой комнате — мама, бабушка и сам Лева, привычная нормальная семья. Правда, когда-то в комнате жил и Левин папа Боря, мамин муж, бабушка так и называла «твой муж», но он погиб страшно давно, в ноябре

41-го года. Это было особенно обидным, ведь Лева родился в декабре, на целый месяц позже, и значит, они никогда и нигде не могли встретиться с папой, даже случайно, даже если бы война закончилась в том же году. Правда, в бабушкином «твой муж» слышалось не сожаление, а скорее недовольство, так же она говорила про мамину работу корректором в издательстве — «твоя работа», а мама в ответ сердилась и даже плакала. Но и бабушкино ворчание, и мамины слезы казались привычными и нестрашными и обычно заканчивались объятиями. И ему ни разу не пришло в голову задуматься про бабушкиного мужа, то есть мамино папу. Может, его и вовсе никогда не было!

Конечно, многие знакомые ребята и во дворе, и в школе росли без отцов, но все-таки мало кому досталось такое безраздельное женское царство. Бабушка с целым коллективом преданных аптекарш, мама с подружками из издательства, соседки, учительницы, портнихи, молочницы. И на всех — один Левушка, милый кудрявый мальчик в курточке с бантом. Достаточно было прижаться головой к бабушкиной груди, чтобы получить прощение за любую каверзу. Мама больше любила вежливые слова и разговоры, например: «извини, я забыл сказать тебе спасибо», «я понимаю, что поспешил и не подумал», «я случайно ошибся». Соседки обожали мелкие знаки внимания, за какой-нибудь одуванчик, сорванный во дворе за помойкой, могли запросто одарить конфетой, учительниц побеждало раскаяние и признание собственной лени, аптекаршам хватало бабушкиного авторитета и портретного сходства с внуком...

Но всем, абсолютно всем нравилась несмелая мягкая улыбка и взгляд чуть исподлобья, лукавый и застенчивый одновременно. Нет, никакого специального коварства, Левушка действительно обожал бабушку, не хотел огорчать маму, сожалел, правда, недолго, о пропущенных уроках. Если задуматься, нормальные человеческие отношения, без лишних расстройств и обид!

И потом, все они были очаровательны. Эти сплошные округлости, движение бедер, гладкие руки, какие-то пуговички и оборочки. Упоительно было глядеть по утрам, почти не просыпаясь, как мама, высоко подняв подол, натягивает чулок на стройную ногу или бабушка привычно заправляет большие мягкие груди в розовый лифчик. Но еще лучше проснуться рано-рано и сразу перебраться к маме в объятия. Сладкий уютный запах, теплые руки и грудь сквозь тонкую ночную рубашку, мягкие губы...

— Рая, сейчас же прогони этого безобразника из кровати! — кричит бабушка. — Ты окончательно испортишь ребенка!

— Ты его портишь в сто раз больше! До самой свадьбы будешь укачивать и колыбельные петь!

Да, пожалуй, самое раннее воспоминание — не лето, не сладости и даже не настоящие коньки, а эти волшебные бабушкины колыбельные. Нужно только зарыться с головой в одеяло и лежать тихо-тихо, чтобы бабушка не опомнилась и не ушла. Песня плывет и качается, и слова переплетаются, прекрасные, совершенно непонятные слова: «Буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя...».

Хотелось блаженно раскачиваться и дремать-дремать-дремать под привычный ласковый голос: «...наша ветхая лачужка и печальна, и темна, что же ты, моя старушка, приумолкла у окна, спой мне песню, как синица тихо за морем жила...». Всегда хотелось отдельно спросить про синицу, и всегда не успевал, засыпал или улетал куда-то, и только теплые слова доносились издалека: «Буря мглою небо кроет...».

— Рая, Рая, что ты говоришь?! Это же просто чудо! Чудо, что мальчик так музыкален, неужели ты не понимаешь! Посмотри, как он запоминает мелодию! И зачем затевать скандалы на ночь, зачем насильно укладывать и оставлять одного в темноте? Во все века матери пели колыбельные. Это укрепляет психику ребенка.

— Да! И заодно расшатывает психику родителей. Ты балуешь, а мне расхлебывать! Я не готова каждый вечер часами сидеть в темноте и бубнить твои колыбельные. Он же нарочно не засыпает, чтобы послушать! Сама приучила, теперь отменяй все ночные смены и пой!

Конечно, тут не обходилось без вечной женской ревности. Уже взрослым Лева не раз задумывался, почему женщинам так важна собственность или зависимость. Почему нельзя просто радоваться встрече, чудесно проведенному вечеру, касанию рук и губ, этому неповторимому сладостному озарению? Почему не ценить мгновение, простое мгновение любви — без слез, клятв и обещаний?

В первый послевоенный год бабушка завела речь о Левушкином музыкальном образовании. Хотя вернулись раньше, в конце 44-го, но тогда он был еще слишком мал. Про эвакуацию Лева совсем ничего не помнил, много позже

нашел серые выцветшие фотографии — пыльная улица, плохо одетые дети на крыльце, он — самый маленький, чуть выше скамейки. Как всегда, не обошлось без ссор, которые по какому-то странному свойству памяти сохранились в голове, как и слова бабушкиных «колыбельных». Кстати, русский романс полюбил на всю жизнь, даже собрал целую серию пластинок в исполнении Козловского и Лемешева. Бабушка была бы счастлива.

— Мама, ты всегда давишь! Всегда-всегда давишь! Почему ты так уверена, что нужно с детства обрекать ребенка на тяжкий труд? Заставлять заниматься по многу часов, пока другие дети гуляют и радуются, и при этом не оставлять другого выбора?! А если он захочет стать инженером или врачом?

— Боже мой, но ведь не у всех такие исключительные данные! Раечка, можно же попробовать, только попробовать, только пойти на экзамены. Его еще не приняли, что ты так беспокоишься?

В том году Центральная музыкальная школа переехала в новое, специально построенное для нее здание с просторными классами и продуманной изоляцией звука. Правда, некоторые учителя и родители сожалели, что пропали уют и очарование старой школы, но Лева не мог судить, конечно.

Или он все-таки начал учиться в старом здании и просто забыл? Что можно требовать от пятилетнего ребенка! Зато он почему-то хорошо помнил экзаменационную комиссию — мужчину и двух женщин за большим столом, все седые и старые, но совершенно не страшные, как бабушкины подружки.

Он совершенно не боится, да и задание очень простое — спеть песню. Песню они с бабушкой выбрали заранее: «Спой нам ветер про дикие горы, — радостно выкрикивает Лева, — про глубокие тайны морей...». Такая веселая музыка, такие красивые слова, у Левушки всегда начинало звенеть в горле, когда он пел эту песню. «...Про синие просторы, про птичьи разговоры, про смелых и больших людей!» Экзаменаторы дружно улыбаются, одна из женщин, самая старая, садится за пианино и просит повторить сыгранную ноту. Это еще проще, они с бабушкой сто раз дома повторяли. Потом опять что-то играют, стучат и хлопают, все очень легко и весело, и Левушка, окончательно расхрабрившись, поет любимую

бабушкину колыбельную «Выпьем, добрая подружка бедной юности моей...».

Да, именно тогда Он встал и подошел! Толстый некрасивый человек, почти лысый, ничего примечательного. Ласково взял в свои руки Левины ладони, осторожно покрутил пальцы, попробовал крепость кисти.

— Друг мой, ты хочешь играть на скрипке?

Конечно, это было страшным везением! С первых шагов обратить на себя внимание великого педагога, подготовившего таких мастеров, как Грач и Безродный! И почему Аб-рам Ильич оказался на экзамене? Обычно пригостишек прослушивали директриса Мамолли и Вера Николаевна, теоретик. Судьба, стечение обстоятельств?

— Екатерина Ивановна, голубушка, запишите к Анне Яковлевне. Думаю, у молодого человека есть перспективы.

Ну да, Анна Яковлевна, в прошлом ученица Столярского, а теперь ассистентка Ямпольского по работе с малышами. Потом лучшие понемногу переползали в руки самого, хотя официально он считался преподавателем консерватории, а не ЦМШ.

— Обрати внимание, без всякой протекции!.. — бабушка сияет от гордости. — Я же говорила, ребенок абсолютно одаренный — идеальный слух, прекрасные руки! Разве нужно спорить? Хорошо, ты молода и очень занята, я понимаю, но в ближайшие годы я могу помочь. Не так далеко ездить, я отменю вечерние смены. Боже мой, Раечка, не могу поверить, Лия бы умерла от счастья!

— Мама, Лию лучше не вспоминать, по-моему. Тем более она уже умерла один раз из-за вашей ненаглядной музыки. Я и сама вижу, что у ребенка хороший слух, но разве этого достаточно, чтобы решать на всю жизнь? С раннего детства тяжелый труд, никакой свободы. Не могу забыть, как ты меня заставляла учить гаммы, когда девочки бегали во дворе!

— Но почему на всю жизнь?! Он будет параллельно учиться в школе, как другие дети, всегда сможет сделать выбор. Умение трудиться полезно в любой специальности, главное — вовремя понять, чего хочешь от жизни. Ты бросила музыку, а что взамен? Однообразная рутинная работа в кругу сплетниц и старых дев — вот твоя свобода!

Да, они часто ссорились, его главные женщины. Обидно и ненужно тратили время и силы, плакали, неделями не разговаривали. Обычно Лева не вникал, это было частью привычной жизни, как коммунальная кухня или стирка.

Потому что в целом жизнь была прекрасна и упоительна! И полна любви. Все, все говорило и пело о любви — улицы и переулки Бульварного кольца, чудесная особенная школа, мамины посиделки с подругами, их загадочный смех, запах духов, стихи, горячие пирожки, аккуратно завернутые в вощеную аптекарскую бумагу. И еще отдельно бездумные и прекрасные выходные, походы в театр и в оперу, да-да, именно так — в оперу, нарядный пиджачок и галс-тук, как у настоящего музыканта, бабушкино длинное платье, кружевная шаль времен незабвенной Лии, лимонад в театральном буфете. И на этом фоне все разрастающийся круг юных красавиц — соседская девочка Нина, пионервожатая Люда, две чудные кокетки с фортепианного отделения, Медея и Тамара, одни имена чего стоили! И таинственная незнакомка в соседнем дворе, совсем взрослая и прекрасная, в туфлях на каблуке, наверное, из восьмого класса, и милая маленькая арфистка Алина, внучка бабушкиной подруги...

Даже ежедневные четыре часа занятий на скрипке (не больше четырех часов — подчеркивал его обожаемый учитель) искупались постоянным вниманием самого учителя и бурными домашними восторгами.

Со второго класса началось общее фортепиано, и тут наступил настоящий бабушкин триумф! Ей, пианистке, было трудно сродниться с хрупкой скрипкой, требующей личного общения и участия. Смычок, купленный за огромные деньги у пожилого скрипичного мастера, вызывал в бабушке какой-то священный ужас, все боялась, что вот сейчас сломается, порвется. Про натягивание струн и настройку вовсе говорить не приходилось! А с фортепиано все было просто и замечательно — определенные ноты на определенных местах, как в ее любимой аптеке, надежный, прочно стоящий инструмент, твердость аккордов и звенящие трели верхних октав. Бабушкины большие полные руки сразу обретали уверенность, и даже совсем малышом Лева не мог налюбоваться на простоту и стремительность ее игры. Он сразу подхватил эту виртуозность и легкость, мгновенно запоминал новые темы, потом пристрастился подбирать песни военных лет, все время бывшие на слуху. При всей прелести и интимности скрипки с ней не получалось такой свободы, фортепианные аккорды левой руки придавали окраску любой мелодии, скрывали мелкие ошибки и мазню. Кажется, получалось прилично, час-тые бабушкины гости, в

большинстве своем пожилые женщины, дружно умилялись Левиной игре и подпевали, утирая слезы.

Непонятно, как у нее хватало сил, — сидеть рядом все часы занятий, возить внука на бесконечные уроки и одновременно заведовать аптекой, вести дом, готовить еду. Правда, при ЦМШ всегда существовал круг преданных и безумных мамаш, готовых посвятить жизнь своим ге-ниальным отпрыскам, организовали даже дежурство мам в каникулы и на праздники, но они были моложе, в большинстве своем не работали, имели прислугу. Разве Лева задумывался! Кто из детей задумывается?

Занятия часто проходили в квартире учителя, а не в школе, было привычно и уютно ждать в полутемной комнате, разглядывать бесконечные шкафы с книгами, рисунки в толстых рамах. Илья Абрамович никогда не смотрел на время, мог час работать над одной сложной фразой, всегда показывая на скрипке ученика. Получалось настоящее волшебство — тот же инструмент, те же ноты — но вместо неловких и неровных звуков сказочная совершенная Музыка. Две собственные скрипки учителя ходили среди старших студентов, не имевших достаточно средств на покупку хорошего инструмента. Старшие играли блистательно, каждый в своей манере. Это было главным достоинством Ямпольского — увидеть и выявить индивидуальность ученика, развить, сохранить. Технику добирали с преданными и опытными ассистентами, многие ребята уже участвовали в международных конкурсах, выступали с оркестром. Лева был самым младшим по возрасту, до настоящих концертов еще не допускался, но к десяти годам практически полностью перешел в руки Ильи Абрамовича.

Конечно, он не понимал и не помнил преступного режима, в котором рос. Как и все дети, стремился в пионеры, радостно орал песни о Ленине и Сталине, даже один год стал запевалой в школьном хоре. Песни, надо отдать должное, были очень мелодичными и красивыми и часто создавались настоящими хорошими композиторами. Только взрослым задумался и ужаснулся этому коллективному бреду:

Ленин — это весны цветенье,
Ленин — это победы клич...

Даже смерть и похороны Сталина почти не отложились в памяти, наверное потому, что в их школе была особая атмосфера достоинства. Гораздо позже пытался вспомнить

реакцию бабушки или мамы, был уверен, что бабушка не рыдала, как все соседки, и не сожалела об умершем «отце народов», но скорее принимал желаемое за действительное.

Вот с «делом врачей» четко помнился один эпизод — у них в комнате сидит незнакомая красиво одетая женщина и тихо отчаянно плачет, а бабушка, такая всегда говорунья, молчит и только раздраженно передвигает чашки на столе. В тот же вечер она рассказывает маме, еще больше раздражаясь и почти переходя на крик:

— Кандидат наук, прекрасный невропатолог, вдова боевого офицера, две дочки-школьницы! Нет, ты мне скажи, как ей теперь жить, как кормить детей?! И сколько это может продолжаться?!

И мама только испуганно шепчет без всякой связи:

— Тихо, тихо, не нужно при ребенке. Разъяснится, вот увидишь, все разъяснится. Марк говорит, что не нужно отчаиваться.

Странно, как он хорошо запомнил тогда Асю Наумовну, мало ли женщин приходило в их дом, мало ли женщин плакало в ту пору.

Да, к тому времени в их жизни появился Марк, будущий мамин муж. Вполне нормальный человек, военный, с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Но невозможно было поверить, что маме нравится этот толстый и почти лысый дядька, что она может гулять с ним, ходить в кино и в гости, праздновать Новый год.

Лева вдруг стал думать про погибшего отца, пытался представить, как они идут вместе на футбол или хоккей, хотя сам Левушка, воспитанный женщинами, всегда оставался равнодушен к спорту. Однажды он вытащил из семейного альбома довоенную фотографию молодых родителей и демонстративно поставил на пианино.

Но мама и бабушка ничего не замечали или старались не замечать. Марк появлялся все чаще, и однажды, вернувшись из школы, Лева застал полную драматизма сцену: мама рыдала, уткнувшись в подушку, а бабушка, бледная, с горящими щеками (наверняка у нее уже тогда была гипертония), ходила по комнате, скрестив на груди руки и монотонно повторяла:

— Ты не можешь так поступить! Нет, ты не можешь так поступить! Я все понимаю, ты заслуживаешь счастья и нормальной жизни, ты молодая и должна думать о себе. Но я не позволю ломать судьбу ребенка! Рая, ты слышишь? Можешь меня ненавидеть, но я не позволю!

Наверное, слова были иные, женщины вообще употребляют слишком много слов, но смысл оставался прежним — Марка переводили на работу в Хабаровск, и он звал с собой маму.

— Марк серьезный и порядочный человек! И он любит меня! Все говорят, что в такое ужасное время военному человеку, да еще еврею, лучше держаться подальше от центра. Ему предлагают очень ответственный пост, как ты не понимаешь?!

— Я вижу, что он порядочный человек. Кто спорит? И ты можешь ехать, ты просто обязана ехать! Но зачем увозить ребенка?! Что он будет делать в вашей глуши? Неужели ты думаешь, что я не справлюсь?

Бедные-бедные его женщины, они, как всегда, не хотели слышать друг друга, Лева, как всегда, разрывался от любви к обеим, но на этот раз бабушка была абсолютно права — ни в какой Хабаровск он ехать не собирался! Бросить школу, музыку, Москву, товарищей, наконец, арфистку Алинку, с которой уже два раза целовались после занятий? И все ради лысого Марка с его ответственной работой?! Правда, от мысли, что придется разлучиться с мамой, появлялась тошнота и какая-то тоска в животе, и больше всего хотелось прогнать к чертовой матери этого чужого ненужного человека со всеми его орденами и медалями. Но что Лева мог поделать?

Сколько ей было лет? Уже больше шестидесяти, это точно, шестидесятилетие отмечали с мамой, пришли сотрудницы издательства, Лева хорошо помнил. Наверное, ужасно страшно и тоскливо в такие годы разлучаться с единственной дочерью, оставаться одной в жестоком огромном городе да еще отвечать за капризного мальчишку, привыкшего к баловству и вниманию. Не жаловалась, никогда не жаловалась даже подругам, всегда была уверенной и бодрой, до абсурда аккуратной, в строгой блузке с брошью и неизменной вязаной шали.

И ее ненаглядный глупый Левушка вскоре поверил, что все нормально, что жизнь по-прежнему прекрасна и полна радостей и сюрпризов. Тем более начался новый этап в учебе, первый концерт с оркестром, первые настоящие удаchi без умилений и скидок на возраст. К тому же фортепиано, казавшееся прекрасной игрушкой, вдруг открыло новый путь к покорению женских сердец, потому что даже самые музыкальные и избалованные девчонки не могли устоять перед калейдоскопом модных песенок, которые Лева

мастерски подбирал на слух. Сам он влюблялся стремительно и страстно, но совершенно не понимал, почему нужно дружить только с Машей, если существуют еще Даши, Марьяши, Наташи и другие чудесные создания с романтическими длинными косами или озорными короткими стрижками. Выбор был таким же невозможным и ненужным, как между мамой и бабушкой, скрипкой и роялем, зимой и весной.

Новый 1956 год начинался просто прекрасно. Во-пер-вых, мама родила девочку. Правда, впервые узнав о маминой беременности и предстоящих родах, Лева, несмотря на исполнившиеся четырнадцать лет, страшно мучительно заревновал, представил себя навсегда забытым и ненужным, но бабушка так безудержно ослепительно радовалась, что и ему передалось это праздничное настроение и ожидание чуда. Тем более на все летние каникулы они собирались в незнакомый, но уже не чужой Хабаровск, деньги на билет давно были отложены, и бабушка договорилась с педагогами о составлении личной программы занятий.

Нетерпению Левы не было границ — очень хотелось увидеть маму после двух лет разлуки. И потом предстояло настоящее далекое путешествие, неделю на поезде, в незнакомый город на великой реке Амур. Он уже давно прочел в энциклопедии и про Амур, и про Хабаровск, к тому же мама каждую неделю присылала длинные подробные письма обо всем подряд — местной природе, новой работе, знакомых, концертах в филармонии. Отдельно описывала маленькую дочку, совершенно замечательную, которую называли Лилей якобы в память о бабушкиной сестре, хотя Лева не видел никакой связи и ему совсем не нравилось это слащавое имя. Надо отдать должное, у него хватало ума не выступать, тем более бабушка просто умирала от умиления и целыми вечерами вязала какие-то крошечные носочки и шапки для их замечательной Лили.

Но еще предстояла весна, гастролы гениального иностранного скрипача Исаака Стерна, что занимало Леву и его друзей по классу скрипки гораздо больше, чем прошедший недавно XX съезд партии. И хотя в воздухе повисли всевозможные и невероятные слухи, и хотя бабушка с подругами напряженно шепталась по вечерам, беспрерывно повторяя имена Хрущева и Сталина, выступление Стерна затмило все! Потому что именно тогда любимый и

единственный Учитель воскликнул, обращаясь к нему, только к нему одному:

— Потрясающе, просто потрясающе! Вот так ты будешь играть! Твоя манера и легкость, я давно чувствовал! Техника наберется, это многие могут, а с легкостью нужно родиться. Начинаем работать, мой мальчик, начинаем работать по-настоящему!

Они умерли с разницей в одну неделю. В светлые теп-лые июньские дни 1956 года — сначала бабушка, потом Ямпольский. Одновременно покинули его, не предупредив и не объяснив, как нужно жить одному в жестоком огромном и пустом мире. В том же месяце Лева последний раз в жизни посетил ЦМШ. Всего на пятнадцать минут, именно столько потребовалось, чтобы написать заявление об уходе и забрать документы.

Ее сестра звалась Татьяна

Конечно, Таня не была ей сестрой! Просто очень-очень близкой и хорошей подругой. А это, может быть, важнее, чем сестра — ни обязанностей, ни случайных совпадений, а только настоящее взаимное понимание и доверие. Они сразу подружились, две испуганные первоклашки — Оля Попова и Таня Левина, и все годы сидели за одной партой, пока не объединили с мужской школой. Как раз в восьмом классе и объединили, Оля точно помнила, потому что они проходили по литературе Евгения Онегина. И пересадили всех тогда же. Зачем? Педагогический прием для успешного слияния коллективов? Лишние неудобства и огорчения!

Мальчишки, конечно, не могли пропустить такое замечательное совпадение — Ольга и Татьяна, все время неразлучны, обе — отличницы. Мальчишкам немного нужно для тупого ржания. Но им было мало имени, Олина фамилия на фоне пушкинской «Сказки о попе и о работнике его Балде» служили для этих придурков отдельным вдохновением. Поповна-Балда, вот как ее звали в классе.

Все, все было мучительно и невыносимо — жестокое прозвище, ранящие пушкинские слова, собственная беспомощность. Таня, ее милая подружка Танечка, действительно походила на Татьяну Ларину — темная коса, молчунья, мечтательница. Но Ольга! Конечно, мальчишки ржали. С ее ростом и размером ноги! Даже учитель физкультуры был ниже. Все время хотелось втянуть голову в плечи, ненавидела глядеться в зеркало, ни разу не примерила туфли на каблуках.

Маме нравились простые русские имена — Ольга, Владимир. Бедная мамочка, она всегда хотела как лучше. Наверное, выбирая имя, она представляла хорошенькую маленькую дочку в кудряшках и передничках, а не тощую длинную Поповну-Балду. Еще обиднее, что братишка Володька рос настоящим красавчиком — с густой светлой шевелюрой и ярко-синими мамиными глазами. Везет дуракам! Как будто нужны такие глаза, чтобы гонять мяч на пустыре и валяться с детективами. А Оле достались отцовские, тускло-серые, почти без ресниц. И волосы тоже серые, прямые, как солома. Приходилось туго заплетать косы, чтобы не свисали унылые пряди. Мама самоотверженно делала вид, что не замечает Ольгиной некрасивости — «главное — душа!». Конечно, как у чеховских героинь: душа

и мечты о прекрасном завтрашнем дне. И все как одна были несчастными и одинокими!

Хорошо, хоть Тане досталась простая фамилия, к ней мало приставали. Таня вообще была чудесная, с ней все дружили, и все было легко — учиться, гулять, мечтать, не обращать внимания на обидчиков. Если Таня заболела и не приходила в школу, Оля просто слонялась одна по коридору и даже не хотела ни с кем разговаривать. Нет, Тане тоже пытались придумать прозвище — «Лёва, тебя к доске, Лёва, дай списать физику», но она совсем не обращала внимания.

Разве можно было даже подумать в те времена про Левку Краснопольского?! Роковое совпадение? Вот еще глупости!

Да, Таня не обращала внимания и правильно делала, фамилии — вечная тема для школьных издевательств! Например, Светку Баранову почему-то звали Козой, а Надю Михайлову — Мишаней. Короче, зря Оля так мучилась, всех дразнили, ничего особенного.

Всех, но не Киру.

Когда заполняли новый журнал и классная запнулась на ее фамилии, Кира встала и тихо, отчетливо произнесла: Кира Андреевна Катенина-Горячева. И даже самые заядлые насмешники замолчали, потому что у Пушкина было известное всему классу стихотворение:

Кто мне пришлет ее портрет,
Черты волшебницы прекрасной...

И весь класс знал, что в стихотворении стоит посвящение: «Катенину. 1821 год», и это был Кири́н предок, кажется, родной брат ее прадеда.

Вот так все совпало — объединение школ, «Евгений Онегин», собственное взросление. Они часами бродили с Таней по старинным московским улицам, знакомые с детства названия вдруг обретали новое загадочное значение — Арбат, Сивцев Вражек, Плющиха, Неопалимовский переулок. Казалось, сам город манит и обещает какую-то новую прекрасную жизнь, они наперебой читали стихи, мечтали о настоящей единственной любви. Как у Симонова:

Не понять не ждавшим им,
как среди огня
ожиданием своим
ты спасла меня...

Тогда многие девочки увлекались стихами Щипачева «Любовь не вздохи на скамейке и не прогулки при луне», но

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru